

КРУГЛЫЙ СТОЛ «СМЫСЛООБРАЗОВАНИЕ В КОММУНИКАЦИИ-2»

Дьяченко Галина Викторовна

научный сотрудник отдела психолингвистики

Института языкознания РАН

Россия, 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д 1 стр. 1

galya.dyachenko@gmail.com

**Статья подготовлена при поддержке РФФ, грант № 17-18-01642
«Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях
кризиса языковой модели», в Институте языкознания РАН**

15 ноября 2018 года во второй раз состоялся ежегодный Круглый стол «Смыслообразование в коммуникации», в котором приняли участие члены научно-исследовательской группы, работающей в рамках проекта РФФ № 17-18-01642 «Разработка коммуникативной модели вербального процесса в условиях кризиса языковой модели». Организаторы Круглого стола (А. В. Вдовиченко, Е. Ф. Тарасов) предоставили участникам научной группы возможность предъявить результаты годовой работы.

В кратких сообщениях докладчиков (А. В. Вдовиченко, Е. Ф. Тарасова, А. А. Нистратова, И. В. Журавлева и Ю. В. Журавлевой, Д. В. Маховикова, А. А. Степановой, М. О. Матвеева, Г. В. Дьяченко) был представлен анализ ряда психолингвистических экспериментов и наблюдений, обобщение опыта участия в зарубежных и отечественных научных конференциях, авторские теоретические разработки и т. д. Развернувшаяся в ходе обсуждения дискуссия позволила исследователям глубже осмыслить обоснованность собственных позиций и наметить перспективы дальнейшей совместной деятельности в рамках проекта.

Проблематика Круглого стола, как, впрочем, и всей работы научной группы, задается принципиально иным (отличным от лингвистического «мейнстрима») видением как самих источников смыслообразования в естественной вербальной коммуникации, так и в целом феномена слова человека. Согласно языковому подходу, смысл, возникающий в ходе коммуникации, порождается содержанием самих языковых единиц. Согласно коммуникативному подходу, смысл – реальность сугубо антропологическая, возникающая в сознании коммуниканта, который производит воздействие – предпринимает попытку изменить когнитивное состояние мыслимого адресата (при этом сами единицы, не вовлеченные в личное действие, не могут производить никаких изменений и поэтому вне индивидуальной семиотической процедуры не могут иметь смысла или значения). Естественно, что свою исследовательскую задачу научный коллектив видит в том, чтобы обосновать преимущества коммуникативной модели вербальных данных, раскрыв противоречивость и недостаточность языкового к ним подхода.

В ходе дискуссии, как и на рабочих встречах участников научной группы, проявлялись определенные несовпадения теоретических позиций, вызванные, прежде всего, различием исходных методологических посылок.

Открывшее заседание Круглого стола выступление А. В. Вдовиченко «В поисках источников смыслообразования: семиотическое действие со словами, без слов и несемiotическое действие» преследовало целью представить еще одну иллюстрацию того, что порождается и понимается не слово и не язык, а действие. По убеждению исследователя, к этому выводу приводит простое рассуждение, опирающееся на очевидное положение дел.

Предъявляя это рассуждение, А. В. Вдовиченко изначально предлагает рассмотреть два варианта семиотического воздействия, производимого коммуникантом: с использованием слов и с использованием иных каналов. В такой постановке вопроса, по мнению автора, уже содержится неправомерное признание, что понимается какой-то изолированный канал (вербальный или какой-то иной – жестовый, звукоподражательный, «музыкальный», «танцевальный», пиктографический, и пр.), в то время как любое семиотическое действие является комплексным (многоканальным). Поэтому противопоставление словесного и иного нужно считать искусственным и слишком условным. Тем не менее, такую неточность автор предлагает пока не замечать и продолжает рассматривать эту оппозицию традиционно, соглашаясь на изолированность каналов («словесный язык», «язык жестов», «язык телодвижений», и пр.).

На этом этапе, замечает А. В. Вдовиченко, следует признать, что семиотическое действие как с использованием слов, так и с использованием иных каналов, может провоцировать рассуждения о каком-то языке (языках): языке слов, танца, пиктограмм, жестов, цветов, и пр. Таким образом, в случае семиотического действия доказать выход за пределы какого-то языка и понимания его знаков оказывается невозможным: всегда есть возможность признать какой-то язык в качестве средства коммуникации (при условии признания изолированности каналов).

Опровергнуть распространенную иллюзию (согласно которой смысл порождается в результате понимания «знаков языков») позволяет один бесспорный факт, прямо указывающий на подлинный источник смыслообразования в семиотическом действии. А именно: пониматься может не только семиотическое, но и несемiotическое действие. В последнем, как указал в своем сообщении А.В. Вдовиченко, заведомо не присутствует никаких «языков», которые бы использовал объект интерпретации (если, конечно, не впасть в странность и не признавать, что, скажем, при рубке дров используется «язык топора и грубой силы», и пр.). Очевидно, делает вывод автор, что понимать несемiotическое действие можно только за пределами знаков и языков. Что же, в таком случае, объединяет столь различные объекты понимания и интерпретации – говорение, пиктографию и рубку дров? Их объединяет единое основание – совершаемое действие. Таким образом, делается вывод о том, что и в случае семиотического действия (говорение, жестикулирование, пиктография и пр.) понимаются не собственно знаки, а само личное действие посредством знаков, служащее источником смысла их самих.

В ходе обсуждения идея А. В. Вдовиченко о принципиальном единстве когнитивных операций понимания семиотического и несемиотического действий нашла единодушную поддержку. В том и другом случае интерпретатор осуществляет восхождение от «телесной» стороны знаков или поступков автора к его когнитивному состоянию. Была уточнена также правомерность применения к указанной операции понимания термина «интериоризация». Е. Ф. Тарасов отметил специфичность данного термина для психологических штудий школы Выготского и достаточность для указания на понимание общего термина «восприятие».

Е. Ф. Тарасов (в соавторстве с А. А. Нистратовым) выступил с докладом «Онтологические предпосылки теории речевого общения». Теория речевого общения (ТРО) мыслится авторами как теория, объясняющая речевую и неречевую интеракцию сотрудничающих партнеров в рамках совместной деятельности. Онтологической картиной, в структуре которой разворачивается речевая и неречевая интеракция коммуникантов, естественным образом (по крайней мере, для теории речевой деятельности А. А. Леонтьева) является деятельность, которая включает в себя субъекта-человека, объект-предмет, орудия-предметы, потребность, побуждающую субъекта к действиям, направленным на ее удовлетворение, мотив-предмет, удовлетворяющий потребности и объединяющий несколько действий в деятельность. При этом авторы подчеркнули тот факт, что деятельности человека существуют только в обществе и неотрывны от него.

По мнению докладчиков, для исследователя, изучающего речевое общение, знаковое по своей сути, при котором в межсубъектном пространстве происходит только производство и восприятие тел языковых знаков (звуков и графем), важно указать на предпосылку знакового общения – общность сознаний коммуникантов, так как именно эта общность позволяет при помощи речевых действий «указывать» друг другу на идентичные структуры и схемы образов в своем сознании, которое является общим в той степени, в какой они присвоили общую для них этническую культуру.

Кроме того, полагают докладчики, необходимо учесть, что любой акт деятельности укоренен в прошлом, настоящем и будущем того социума, в котором он разворачивается. Укорененность в прошлом следует понимать как детерминированность сознания (языкового и неязыкового) предметной, деятельностной и идеальной формами этнической культуры, присвоенной коммуникантами. Именно присвоенная культура устраняет до определенной степени индивидуальные качества коммуникантов, императивно уравнивая их человеческие качества, превращающие их в личности и создавая тем самым предпосылку для взаимопонимания. Укорененность в настоящем означает, что в своей активности коммуниканты реализуют те модели деятельности, которые имеют социальную легитимность и функциональную целесообразность в конкретном обществе и в конкретное время. Укорененность в будущем целесообразно понимать, как проекцию современных моделей с необходимыми модификациями в будущее.

В дискуссии А. В. Вдовиченко обратил внимание на существующее де-факто различие сознаний коммуникантов, хотя и принадлежащих к одной культуре и говорящих на одном языке. Этот факт выдвигает на передний план вопрос, что же в действительности обеспечивает речевое общение и понимание, если не

тождество сознаний. Е. Ф. Тарасов, настаивая, что без предпосылки общности сознаний понимание абсолютно невозможно, согласился на компромиссную формулировку, что общего в сознаниях у нас больше, чем различного. В свою очередь, он адресовал А. В. Вдовиченко вопрос: что же дает конструктивного для научной модели коммуникации данное подчеркивание различия между индивидуальными сознаниями? В ответ А.В. Вдовиченко указал на невозможность объяснить факт коммуникации общностью сознаний («говорить и совершать иные семиотические поступки было бы как минимум бесполезно, – если не постулировать индивидуально мыслимое изменение чего-то, некую новизну – новое состояние, достигаемое в результате семиотического воздействия»). Констатация различия сознаний, обладающих, как минимум, индивидуальными планами нарушать status quo, дает возможность осознать динамику коммуникации как процесса постоянных когнитивных операций, целенаправленных изменений когнитивных (психических) состояний.

И. В. Журавлев, со своей стороны, заметил, что феномен индивидуального сознания, который столь часто воспринимается как некая данность, должен быть в принципе проблематизирован, поскольку кристаллизация индивидуального сознания и филогенетически, и онтогенетически происходит поздно. Так, ребенок, по его мнению, не является носителем индивидуального сознания. На этот пункт, однако, можно возразить, что ребенок не является носителем зрелого и развитого индивидуального сознания, но носителем сознания как разумной природы он, будучи человеком, является от рождения. Так и у представителей первобытных обществ, не мыслящих себя носителями индивидуального Я, но некоего коллективного Мы, такая коллективная схема миропонимания тем не менее является свободным актом мышления конкретного индивида.

Г. В. Дьяченко попыталась подойти к проблеме смыслообразования в коммуникации с исторической точки зрения, представив доклад «Об источнике смыслообразования в контексте опровержения Евномия свт. Григорием Нисским». По мнению автора, в лингвистических воззрениях можно найти три различных ответа на вопрос об источнике смыслообразования – это 1) сами предметы, 2) имена, то есть язык, и, наконец, 3) сам человек. Поучительным эпизодом, проливающим свет на современное решение этой проблемы, является полемика христианских богословов IV в. – святителей Василия Великого, Григория Нисского, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Епифания Кипрского и др – с лингвогносеологической концепцией Евномия (богословские взгляды которого в итоге признаны еретическими).

Согласно Евномию, имена «соприродны» предметам и вложены в них Богом при сотворении. Человеческому разуму даровано ведение всей совокупности «соприродных» предметам имен. «Соприродное» имя выражает саму сущность предмета, оно неразрывно связано с сущностью и является как бы ее энергией. Тогда как имена, данные предметам людьми по своему «примышлению», только условно указывают на вещи и никакого объективного знания об их природе не содержат. Достаточно поэтому отбросить имена, «примышленные» человеком, чтобы по «соприродному» предмету имени познать его сущность. Очевидно, что

в евномийской лингвогносеологической модели человек не просто устранен от производства смысла и имен, но и признан источником их негативным. Тогда как подлинным источником смысла здесь провозглашаются имена и порождающие их предметы.

Автор отметила, что Евномий в своих лингвогносеологических взглядах был вполне традиционен и двигался в русле доминирующих в античности лингвистических воззрений. В качестве источников его учения об именах свт. Григорий Нисский называет философские взгляды Платона, Аристотеля и Эпикура. Св. отцы, борясь с Евномием, по сути, выступили против платоновского учения о том, что имена имеют божественное происхождение, что они врождены предметам и заключают в себе значение их сущности. Г. В. Дьяченко полагает, что основные принципы лингвогносеологической модели св. отцов могут быть сведены к следующим: 1. Имя не дается предмету Богом. 2. Имя не содержится в самом предмете. 3. Имя не тождественно сущности предмета. 4. Имя «примышляет» («создает своим умом») человек. 5. Через посредство человеческого понятия имя истинно соответствует предмету. Автор заключает, что в споре с Евномием христианские богословы отстаивали силу человеческого ума как единственного источника происхождения имен и их значений. Поэтому можно согласиться с мнением, высказанным ранее А. В. Вдовиченко, что «когнитивная революция» в лингвистических воззрениях произошла не в XX веке, а на семнадцать столетий раньше – в творениях Каппадокийских отцов.

В ходе обсуждения А. В. Вдовиченко обратил внимание на то, что в рассматриваемой богословской полемике IV в. все было намного драматичнее, чем проявление простого лингвогносеологического интереса к теме слова. В действительности на основании своего языкового аргумента Евномий приходил к отрицанию Божества Сына – Второго Лица Пресвятой Троицы. Так, если имя выражает сущность, а имя Бога Отца – преимущественно «Нерожденный» (*ἀγέννητος*), то Сын, носящий имя «Рожденного» (*γεννητός*), оказывается обладающим иной сущностью – не Божественной, а тварной. Поэтому, опровергая тринитарную ересь, святым отцам пришлось продумать и изложить учение о словесной деятельности человека. А. В. Вдовиченко заметил при этом, что именно Филон Александрийский, платоник прежде всего, навязал историю о прозревании Адамом сущностей вещей при наречении им имен. Однако богословие святых отцов той эпохи в том числе содержит ясно разработанное учение о непознаваемости человеком сущностей вещей.

В совместном выступлении «Общение и обобщение: старая проблема в новом контексте» И. В. Журавлев и Ю. В. Журавлева признали отчасти верным тезис о том, что в естественной коммуникации порождаются и понимаются не лингвистические единицы, а действия, совершаемые коммуникантами. Поскольку общение происходит между людьми, вовлеченными в совместную деятельность, источником смысла «передаваемых» сообщений являются ни в коем случае не средства их «передачи», а действия людей, направленные на предмет их деятельности или (если говорить о деятельности общения) на самих коммуникантов. Именно действие первично нагружено смыслом, хотя сам человек чаще всего воспринимает смысл своего действия как смысл предмета, с которым он действует. Действия

человека остаются осмысленными и вне любой актуальной коммуникации (если не касаться вопроса о коммуникации человека с самим собой).

Однако авторы задаются вопросом, правомерно ли проводить жесткое различие между порождаемым/понимаемым действием и порождаемым/понимаемым словом (знаком)? По их мнению, здесь дает о себе знать ключевой для формируемой модели коммуникативного процесса вопрос – вопрос о сущности знака. В связи с этим, по их мнению, следует вспомнить идею Л. С. Выготского о том, что знак есть единство общения и обобщения. И. В. Журавлев и Ю. В. Журавлева отстаивают точку зрения, согласно которой знак следует понимать не как сосюоровское «означающее», не как акустический/зрительный/кинестетический образ и даже не как единство этого образа с «означаемым», а как превращенный предмет. В этом предмете «свернута» форма деятельности с любым реальным предметом, который обозначается данным знаком. Словом «чашка» можно обозначить любую чашку (обобщение). При этом слово «чашка» означает не предмет как таковой (зачем его обозначать?!), а действие с ним. Генезисом действия является «обмен деятельностями» (А. Н. Леонтьев), т. е. любое действие по своему происхождению связано с совместной деятельностью (любое обобщение есть обобществление). Соответственно, употребление знака в общении уже неизбежно подразумевает обмен деятельностями, т. е. обобщение и обобществление.

Кроме того, докладчики обратили внимание на то, что в ходе общения коммуникантами порождаются/понимаются и знаки, и действия, поскольку между знаком и действием невозможно провести жесткую границу. Основанием для проведения подобной границы может быть лишь узколингвистический взгляд на знак, игнорирующий его деятельностную природу. Как будто мы смотрим на мир, в котором уже есть действия сами по себе и знаки сами по себе. Это взгляд «с конца». Если же начинать «сначала», то видна будет иная картина. Порождая действие, мы порождаем знак. Порождая знак, мы порождаем действие.

Принципиальные возражения коллег касались не обобщающей функции знака и не общественного характера его генезиса, но правомерности понимания знака как превращенного предмета. Знак – это не предмет. Он не существует вне психики производящего или воспринимающего его человека. Хотя телом знака может быть какой-либо предмет, но вне психики человека данный предмет не будет телом знака. Поскольку знака как самостоятельно существующего предмета нет, то форма деятельности не может быть «свернута» в нем. Она и «свернута» не в знаке, а в мыслительной деятельности ума человека. При этом тенденция авторов не к предметному, а к деятельностному пониманию знака встретила со стороны коллег поддержку и заинтересованное внимание.

А. А. Степанова выступила с докладом «Смыслообразование при восприятии фотографий». Актуальность проблемы докладчица видит в современной тенденции к визуализации культуры и процесса коммуникации, для результативности которого необходимы зачастую или бесконечное количество слов или всего лишь одно изображение. В отличие от текста, изображение имеет метасвойства, но для использования его как средства коммуникации (канала трансляции смысла) необходимы определенные условия: наличие в нем кода и ключа для расшифровки одновременно.

В докладе подчеркнута, что фотография как канал трансляции смысла имеет значительные отличия от живописи. Она передает реальность полностью, не упрощая деталей и не разбивая ее на части, не кодирует ее с помощью принятых и устоявшихся знаков. В то же время фотография тоже закодирована. На этот факт указывает наличие в ней двух сообщений: денотативного (буквального) и коннотативного (символического, метафорического). Благодаря денотативному сообщению, мы понимаем и распознаем то, что изображено. Коннотативное подключается в тот момент, когда мы пытаемся предположить, что стоит за тем, что изображено. Денотативное сообщение становится означающим для означаемого, которым выступает коннотативное сообщение. Обращаясь к анализу взаимодействия языка и изображения, А. А. Степанова констатирует, что изображение, его «язык» обладает самоценностью и смысл возникает при наличии одного изображения, а не только после перевода его на естественный вербальный язык. Данный факт свидетельствует о невербальности смыслообразования в сознании человека.

В процессе обсуждения было уточнено, что если денотативное сообщение отчасти является «кодом» самой фотографии, то коннотативное (символическое, метафорическое) сообщение не является ее принадлежностью, но только сознания человека, воспринимающего фотографию. Вне восприятия человеком денотативное сообщение не является само по себе означающим коннотативного означаемого. Таковые планы сообщений усматривает в фотографии лишь индивидуальная когниция реципиента.

В сообщении М. О. Матвеева «Зависимость понимания слова от образов сознания, репрезентированных этим словом (экспериментальное исследование)» было проанализировано влияние образов сознания (образов восприятия и воспоминания) на понимание значения слова, оречевляющего данный образ. Автор охарактеризовал методику и представил некоторые результаты экспериментального исследования, проведенного им с целью выяснения механизма смыслового восприятия речевых высказываний.

По мнению М. О. Матвеева, использование понятий *образ восприятия*, *воспоминания* и *представления* в ходе анализа процесса оречевления мысли создает предпосылку для формирования более детальных знаний о невербальной основе мысли и, соответственно, ставит перед исследователями задачу уточнить зависимость понимания одного и того же слова от типа используемого образа сознания. Проведенный эксперимент был призван верифицировать гипотезу о существовании связи между пониманием слова и образами сознания, оречевляемыми данным словом. Данная верификация, полагает докладчик, возможна при помощи психосемантических методов исследования, которые позволяют получить материал для анализа обыденного сознания, то есть выявить глубинные критерии оценки исследуемых объектов. Экспериментатор пришел к выводу, что показатели образов сознания зависят от нескольких факторов: от типа предоставляемого респондентам текста, от типа образующихся у них образов сознания, а также от типа предъявляемых изображений. Процессы восприятия и смыслообразования несловесны и связаны с языком опосредованно.

В завершение заседания Круглого стола Д. В. Маховиков представил доклад о «Речемыслительной деятельности в восприятии абстрактной живописи». В своем

исследовании он ставил целью выяснить роль языковой картины мира в структуре речемыслительной деятельности. Отталкиваясь от идеи В. Ф. Петренко об образе как перцептивном высказывании о мире (что позволяет рассматривать образ как текст и использовать методы психосемантики применительно к анализу визуальных изображений), Д. В. Маховиков разработал и провел психосемантический эксперимент, шкалы в котором задавались самими испытуемыми, а материалом для оценки выступили экспериментальные тексты-описания произведений абстрактной живописи. Однако, по признанию исследователя, результаты, полученные в ходе эксперимента, заставили его задуматься не только о стратегиях, используемых испытуемыми при восприятии произведений абстрактной живописи, но и о собственном исходном представлении о речемыслительной деятельности в целом.

Выразив поддержку исследованию докладчика, А. В. Вдовиченко подчеркнул, что произведение живописи также является особой разновидностью коммуникативного действия, и смысл его, как и любого личного действия, задается замыслом автора. Однако если К. Малевич, абстрактные картины которого были предложены респондентам, сознательно ставил перед собой задачу не вкладывать «фигуративного» (определенного) смысла в свои семиотические действия, а просто катализировать работу сознания реципиента, и если, как показывают результаты исследования Д. В. Маховикова, эта задача К. Малевичу блестяще удалась, то не абсурдно ли тогда вообще какой-то конкретный смысл там искать? Естественно, что расхождение между принципами коммуникативной модели (наличием смысла в коммуникативном действии) и результатами исследования потребует либо корректировать саму модель, к чему и пришел докладчик, либо отказать материалу в осмысленном статусе.

В целом по итогам общения в формате Круглого стола можно констатировать, что видение участниками исследовательской группы проблемы смыслообразования стало более панорамным, более отчетливо обозначились спорные места коммуникативной теории. При этом обозначилось общее концептуальное достижение и позитивный сдвиг в теоретическом сознании научной группы в сторону акционального (деятельностного) и условного понимания знака, который по своему статусу представляет собой всецело антропологический, но не онтологический (присущий самим предметам) феномен.